

ПРОЕКТ КОГНИТИВНОЙ ПОЭТИКИ: ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ГРАНИЦЫ

Наталия Арлаускайте

Институт социокультурных исследований
Каунас

*Деконструкционистские споры последних
тридцати лет и теория эволюции
сговорились лишить нас невинности.*

Элен Спольски

В том гуманитарном поле, на котором боролись сначала за место, затем за сферы влияния и, наконец, за доминирование такие дисциплины, как риторика (в изводе неориторика), лингвистика текста, анализ дискурса и когнитивная лингвистика (список можно продолжить), появилась конкурентка – когнитивная поэтика. В качестве надежных знаков передела дисциплинарного поля обычно служат появление учебников (особенно «Введение в...») и специализированных номеров авторитетных периодических изданий. Обычно это означает, что где-то уже открыты соответствующие кафедры и читаются курсы.

В 2002 г. Питер Стоквелл (Peter Stockwell), преподающий в университете Ноттингема (Англия), издал книгу под названием «Введение в когнитивную поэ-

тику»¹. В том же году журнал *Poetics Today*, издаваемый Портеровским институтом поэтики и семиотики Тель-Авивского университета в издательстве Университета Дьюка (США), посвятил весенний номер когнитивным наукам и литературе с подразделом «На пути к интегрированной когнитивной поэтике»². При беглом просмотре ресурсов Интернета можно обнаружить, что курсы под названием «Когнитивная поэтика» или сходными с ним уже читаются в некоторых университетах.

В этой статье, анализирующей упомянутые работы, а также другие сочинения их авторов, предпринята попытка рассмотреть место когнитивной поэтики в поле гуманитарных дисциплин.

¹ Peter Stockwell, *Cognitive Poetics: An Introduction*. London, Routledge, 2002. В 2003 г. это же издательство издало сборник, представляющий прочтения литературных произведений с точки зрения когнитивной поэтики и структурно повторяющий книгу Стоквелла: Gavins, Joanna & Steen, Gerard (eds.), *Cognitive Poetics in Practice*. London, Routledge, 2003.

² *Poetics Today (Literature and the Cognitive Revolution)*, Vol. 23, Number 1, Spring 2002.

«Введение в когнитивную поэтику» разделено на следующие главы: «Фигуры и фон», «Прототипы и чтение», «Когнитивный дейксис», «Когнитивная грамматика», «Скрипты и схемы», «Дискурсивные миры и ментальные пространства», «Концептуальная метафора», «Литература как притча (*parable*)», «Текстуальные миры», «Понимание литературы». Книга сопровождается введением, в котором обосновывается необходимость когнитивной поэтики, и заключительной частью, где проводятся связующие нити между когнитивной поэтикой и такими понятиями, как *дискурс*, *идеология*, *воображение* и др. С точки зрения учебных целей, учебник Питера Стоквелла составлен образцово: каждый из десяти основных разделов содержит обзор ключевых понятий, вопросы для дискуссии, приложение обсужденных понятий к практическому анализу конкретного литературного (поэтического) текста, задания и список дополнительной литературы.

Во введении автор предлагает свое видение пограничных зон и генеалогических связей когнитивной поэтики, в утверждении которой отводит себе роль первопроходца – того, кто «столбит территорию и набрасывает предварительную карту для будущих исследователей»³. Прежде всего, он отмечает, что акцент ставится не столько на анализе текста, сколько на анализе чтения – что мы делаем, когда мы читаем? Проблематизация чтения, в свою очередь, сводится к учету разного рода *контекстов*, а когнитивная поэтика понимается как

³ Stockwell, 11.

анализ релевантных контекстов – стилистики и литературных приемов, знаний и верований, фигуративности поэтического и обыденного языка. Основания когнитивной поэтики усматриваются в когнитивной лингвистике и когнитивной психологии, равно как и в классической риторике, которая под воздействием когнитивного поворота трансформируется в когнитивную риторик⁴. Связь с теорией литературы, базирующейся на треугольнике «автор-текст-читатель», видится как переоценка всего треугольника в целом с точки зрения анализа литературной деятельности, охватывающей как создание, так и понимание текста, в которых можно проследить индивидуальные, коллективные или культурные варианты.

Цель анализа с позиций когнитивной поэтики – «рационализировать и объяснить, каким образом данный читатель достигает данного понимания в данном случае. В такой перспективе когнитивная поэтика не обладает предсказующей силой и сама по себе не порождает интерпретаций». Когнитивная поэтика предлагает систематизированный язык, на котором может обсуждаться разнообразие прочтений.⁵ «Когнитивная поэтика моделирует процесс, который интуитивное понимание превращает в поддающийся выражению смысл, и представляет его в тех же терминах, в которых описывается и обсуждается само это понимание».⁶

Автор учебника не настаивает на том,

⁴ Когнитивный поворот не является последним в гуманитарных и социальных науках XX в. В Chamberlayne, P., Bornat, J. and Wengraf, T. (eds.), *The Turn to Biographical Methods in Social Science*. London, Routledge, 2000 провозглашен биографический поворот.

⁵ Stockwell, 7.

⁶ Stockwell, 8.

что «когнитивная поэтика» – единственный вариант названия для комплексуемого набора подходов. Вполне возможен также и такой вариант, как «когнитивная стилистика»⁷, помимо уже упоминавшейся когнитивной риторики. Дисциплинарный статус когнитивной поэтики понимается скорее не как цельная, последовательная система, а как набор подходов, как способ «когнитивно думать о литературе», в котором «все еще только предварительное, новое и увлекательное»⁸.

Во введении Питер Стоквелл замечает, что части когнитивного набора для исследований литературы обладают разной степенью известности или влиятельности в зависимости от континента или региона. Так, взглянув на содержание, можно заметить, что в пространстве доминирования российской когнитивистики в меньшей степени популярны исследования литературы в терминах фигур и фона, когнитивной грамматики или текстуальных миров, в то время как анализ концептуальных метафор, дейксиса (видимо, всегда когнитивного), макроструктур текста (именно они рассматривают в главе о литературе как притче) весьма популярен.

Целью статьи не является последовательный обзор «Введения в когнитивную поэтику», поэтому ограничусь промежуточным наблюдением о том, что когнитивная поэтика в этой книге представлена, прежде всего, как комплект когнитивистских подходов к исследованию литературы с точки зрения

выявления и анализа параметров, релевантных для выяснения того, что происходит с пониманием текста в процессе чтения, погруженного в разные контексты знания – индивидуальные, коллективные и культурные.

С точки зрения программы исследований, вписанных (вписываемых) в рамки когнитивной поэтики, и неочевидных областей сопредельных наук, вовлекаемых в ее рамки, особого внимания заслуживает номер *Poetics Today*. Четыре статьи, входящие в центральную теоретическую часть номера «На пути к интегрированной когнитивной поэтике», написали авторы, в течение последних двух десятилетий подготавливавшие введение нового бренда «когнитивная поэтика» или даже использовавшие его в публикациях, как, например, Реувен Цур (Reuven Tsur)⁹. Его статья в этом номере называется «Некоторые когнитивные основания культурных программ»¹⁰. Другие, не менее именитые, авторы этого блока: Марк Тернер (Mark Turner)¹¹ – «Когнитивное изучение искусства, языка и литературы»¹², Пол Хернади (Paul

⁹ Реувен Цур – профессор-эмеритус Тель-Авивского университета, автор ряда работ по когнитивному стихосложению, в том числе: *Toward a Theory of Cognitive Poetics* (1992), *What Makes Sound Patterns Expressive: The Poetic Mode of Speech-Perception* (1992).

¹⁰ Reuven Tsur, *Some Cognitive Foundations of "Cultural Programs"*, *Poetics Today* 23:1 (Spring 2002), 63-90.

¹¹ Марк Тернер – почетный профессор кафедры английского языка и литературы, Университет Мэриленда, США. Автор основополагающих для когнитивной поэтики книг *Death is the Mother of Beauty: Mind, Metaphor, Criticism* (1987), *The Literary Mind: The Origins of Thought and Language* (1996) и других.

¹² Mark Turner, *The Cognitive Study of Art, Language, and Literature*, *Poetics Today* 23:1 (Spring 2002), 9-20.

⁷ Stockwell, 6.

⁸ Stockwell, 11.

Hernadi)¹³ – «Зачем существует литература: коэволюционная перспектива создания фикциональных миров»¹⁴, Элен Спольски (Ellen Spolsky)¹⁵ – «Дарвин и Деррида: когнитивная теория литературы как подвид постструктурализма»¹⁶.

В отличие от Питера Стоквелла, конструирующего когнитивную поэтику вокруг чтения и отдельного текста, авторы *Poetics Today* создают проект когнитивной истории литературы. И здесь выясняется, что ни когнитивная лингвистика вкупе с риторикой, ни когнитивная психология не предлагают инструментов и процедур для анализа такого рода явлений. Не предлагают, прежде всего, потому, что занимаются анализом репрезентаций знания и, соответственно, анализом понимания этих репрезентаций. В тот момент, когда совершается шаг к объяснению того, зачем и почему существует литература (как определенный репозиториум знаний) и каким образом она (как репозиториум знаний) изменяется, переформулируется вопрос, задаваемый литературе. Вопрос «что мы знаем, когда мы читаем?» сменяется вопросом «чем обусловлена

востребованность и живучесть тех или иных форм знания – литературных форм?». Таким образом, вопрос о природе литературы перемещается в плоскость дарвиновской эволюции.

Прежде чем перейти к отдельным статьям, надо подчеркнуть, что именно попытка соединить историю литературы с аналитикой текста в рамках единого когнитивного подхода (как бы ни было это единство спорным на данный момент), дает когнитивной поэтике гипотетическую возможность сформировать новую дисциплину или, по крайней мере, новую теорию литературы. При этом во главу угла ставится проблема, служащая камнем преткновения для всех теоретиков литературы, – как дать определение литературе. И уже поэтому новый проект когнитивной истории литературы, понимаемой как составляющая когнитивной поэтики, заслуживает самого пристального внимания.

В статье «Когнитивное изучение искусства, языка и литературы» Марк Тернер, открывающий теоретический блок, излагает свою известную теорию блендинга (совмещение двух или больше представлений для производства нового значения)¹⁷. В статье, опубликованной в *Poetics Today*, в теории делается дополнительный акцент: блендинг пронизывает не только языковую, а потому и литературную деятельность современного человека (современность, по Тернеру, охватывает приблизительно последние 50 000 лет), но и другую его деятельность,

¹³ Пол Хернади – профессор английской литературы и сравнительного литературоведения, Калифорнийский университет, Санта-Барбара, США. Среди его работ – *Cultural Transactions: Nature, Self, Society* (1995).

¹⁴ Paul Hernadi, *Why is Literature: A Coevolutionary Perspective on Imaginative Worldmaking*, *Poetics Today* 23:1 (Spring 2002), 21–42.

¹⁵ Элен Спольски – профессор английской литературы, Университет Бар-Илана, Израиль. Среди ее последних работ – *Gaps in Nature: Literary Interpretation and the Modular Mind* (1993) и *Satisfying Scepticism: Embodied Knowledge in the Early Modern World* (2001).

¹⁶ Ellen Spolsky, *Darwin and Derrida: Cognitive Literary Theory as a Species of Post-Structuralism* *Poetics Today* 23:1 (Spring 2002), 43–62.

¹⁷ На русском языке обзор теории можно найти в работе: Татьяна Скребцова, Языковые бленды в теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера, *Respectus Philologicus* 2 (7), 2002.

являясь основой адаптивных (у Тернера – интегративных¹⁸) способностей. Дальше этого рассуждения Тернера не идут: читателю предлагается самостоятельно сделать вывод о том, что литература через блендинг связана с адаптивными (интегративными) успехами человека и участвует в культурной истории, неотделимой от фило- и онтогенеза.

Неизбежно возникающий вопрос о том, каким именно образом история литературы связана с адаптивностью человека, с его культурной интегративностью, пытаются обсудить следующие статьи блока.

И здесь возникают обильные ссылки на биолога Ричарда Доукинса (Richard Dawkins) – автора многих работ, в том числе двух нашумевших книг: «Эгоистичный ген» (*The Selfish Gene*, Oxford, Oxford University Press, 1976) и «Расширенный фенотип: длинная рука гена» (*The Extended Phenotype: The Long Reach of the Gene*, Oxford, Oxford University Press, 1982). Ричард Доукинс знаменит тем, что ввел термин «мема» (*meme*) в пару к гену: если ген ответственен за передачу биологической информации, то мема ответственна за передачу культурной информации, которая хранится в мозге. Так же как и гены, мемы бывают более и менее приспособленными (*fitted*); выживают, естественно, наиболее приспособленные, но выживают не на уровне особи, а на уровне группы, сообщества.

Именно с этой единицей культурной наследственности Пол Хернади связывает повсеместное существование литературы. Мема – литература – адаптивность –

история. То есть история литературы – это история культурного отбора. Следующий вопрос – как объяснить специфичность литературы в культурном отборе, где участвуют и другие искусства?

Точкой отсчета является зазор между средой и ментальными образами мира, то есть адаптивно более и менее выигрышные ментальные образы. Литература относится, разумеется, к сфере ментальных образов. Далее литература дробится на виды, и на двух страницах¹⁹ строится четырехчастная и четырехуровневая схема соотношения между:

- 1) 4 литературными видами – тематическим, нарративным, лирическим и драматическим;
- 2) 4 словесными способами решения проблем – формулированием мнения, ретроспективной оценкой, убедительной (*concurrent*) оценкой происходящего и обменом мнениями;
- 3) 4 основными когнитивными модальностями – категоризацией опыта, его нарративизацией, мониторингом происходящего и способностью соотносить (*situate*) собственный опыт с многообразными позициями других людей;
- 4) четырьмя дополнительными парными элементами – двумя видами памяти (семантической и эпизодической) и не подведенной под самостоятельную категорию способностью индивида либо осознавать собственные верования, чувства и желания, либо приписывать их другому.

¹⁸ Turner, 16.

¹⁹ Hernadi, 28–29.

Таким образом, развитие тех или иных способностей с последующим отбором их адаптивно наиболее успешных форм оказывается прикрепленным к видам литературы как к полигону.

Не буду ни критиковать, ни комментировать предложенную схему, хотя она отчасти напоминает «Общую теорию всего», создаваемую под воздействием желания преодолеть пропасть между природой и культурой. С точки же зрения дисциплинарного строительства, которая в этой работе является центральной, важно то, что когнитивная поэтика заинтересованно допускает в свои пределы помимо уже известных нейролингвистики, психологии и риторики и тернеровский блендинг между литературой и биологией.

Элен Спольски делает в своей статье мета-шаг: она помещает когнитивную поэтику, или, в ее терминах, когнитивно-эволюционную теорию литературы, в рамки постструктурализма. Автор сначала объясняет, что общего между постструктурализмом как теорией репрезентации и эволюционной теорией (или – между Деррида и Дарвином), затем показывает, как исследования литературы вписываются в постструктуралистскую парадигму, скрещенную с теорией Дарвина.

Элен Спольски отталкивается от модулярной теории познания, суть которой состоит в том, что в познающей деятельности мозга одновременно задействованы несколько параллельных систем: например, зрение и осязание или обоняние, зрение и слух и пр. При этом важно, что эти системы оказываются взаимодополняющими (если происходит сбой в одной, другие продолжают работать и предоставлять информацию), но не полностью дублирующими – полного

перевода из одной системы в другую не существует. Зазор между модулями (системами) заполняется на основании дедукции и предшествующего опыта. Таким образом, модулярность обладает как преимуществами – модули взаимодополнимы и могут до известной степени компенсировать друг друга, так и недостатками – деятельность по заполнению зазора между модулями может оказаться безуспешной. Однако в этом риске ошибки, сбоя кроется, с точки зрения Элен Спольски, творческий потенциал зазора (*creative potential of the gaps*)²⁰, творческий, прежде всего, в смысле выработки адапционно более выигрышных решений.

Проделав экскурс в историю постструктурализма, автор статьи приходит к выводу, что аналогичный зазор существует и между словом и его значением, или между системами репрезентации и природой. «Нет ничего трагичного в зазоре между означающим и означаемым: он позволяет системе принять вызов нового контекста и использовать старые слова в новых комбинациях с новыми значениями. Это верно, что отклонение от конвенционального или ожидаемого употребления рискованно. [...] Однако перспектива быть не в состоянии приспособить свою систему репрезентаций в новом контексте еще хуже, с точки зрения выживания вида. Поэтому можно выдвинуть гипотезу, что система репрезентаций человека эволюционирует в ответ на напряжение, существующее между двумя потребностями: потребностью в

²⁰ См.: Spolsky, Ellen, *Gaps in Nature: Literary Interpretation and the Modular Mind*. Albany, State University of New York Press, 1993.

достаточной хорошей (достаточно надежной) репрезентации и потребностью в гибкой системе репрезентаций»²¹.

Если репрезентации принадлежат полю культуры, то возникает фундаментальный вопрос, всегда ли с достаточной степенью уверенности можно отделить культуру от природы. Элен Спольски приводит пример из работ Леви-Стросса, где до тех пор, пока ритуал рассматривается как структура, выражающая систему воззрений, некую ментальную конструкцию, анализ выглядит непротиворечивым. Однако в тот момент, когда убийство ребенка начинает называться «неестественным», возникает вопрос – а почему? Каким образом в каждом отдельном случае можно определить природное и культурное? Кто является определяющей инстанцией?²²

Ответы на вопросы даются в рамках самого постструктурализма (точка отсчета – «недоверчивое чтение», разработанное Деррида и Фуко): разделение на природу и культуру и, соответственно, структурирование культуры (теория) осуществляется в рамках определенной системы взглядов, то есть само структурирование является конструктом. Конструирование осуществляется на пересечении генетической наследственности и среды, то есть «постоянно меняющегося взаимодействия индивидуальных потребностей, господствующих культурных форм и неустойчивого класса культурных арбитров»²³. В качестве недоверчивого читателя субъект вынужден постоянно конструировать и пере-

конструировать поле культуры и природы.

Отсюда вытекает следующий вопрос, который должна себе задать когнитивно-эволюционная теория литературы, основывающаяся на адапционистском подходе²⁴: каким образом структуры, которыми занимаются историки культуры и литературы, сконструированы и ценностно нагружены? Или (переформулируя Спольски): когда, как и в каких целях мы говорим о том, что есть такая вещь, как литература? В этом контексте «дарвинизм привлекателен в качестве теории мышления и значения, так как является теорией выживания, основанного на адаптации (создании тропов, переинтерпретации, коррекции репрезентаций) с помощью рекатегоризации. Иными словами, это теория, обосновывающая центральное положение рекатегоризации как механизма выживания. Это теория того, как организмы выживают во враждебной среде благодаря динамическим метаморфозам. Перенесенная в поле культуры, она объясняет, как метаморфозы распространяются на популяцию и укореняются в ней. [...] Живущие в воде существа превращаются в амфибий, когда высыхают болота; Сирина превращается в тростник, чтобы убежать от Пана»²⁵.

Как видим, Элен Спольски не предлагает самостоятельной программы эволюционистского исследования литературы. Однако в ее рассуждениях содержится чрезвычайно важный элемент: когнитивистский подход к литературе, который

²¹ Spolsky, *Darwin and Derrida*, 52.

²² Spolsky, 53–54.

²³ Spolsky, 55 со ссылкой на: Oyama, Susan, *Evolution's Eye: A Systems View of the Biology-Culture Divide*, Durham, NC, Duke University Press, 2000.

²⁴ Т.е. подходе, который рассматривает «производство структур [...] в качестве деятельности, возникающей в ответ на специфическую среду и в ее рамках» – Spolsky, 56.

²⁵ Spolsky, 57.

всегда рассматривался как заимствованный из естественных и социальных наук, помещается в контекст более общей теории – постструктурализма, в рамках которого набор дисциплин, кажущийся иногда произвольным, может обрести цельность и последовательность.

Интересно, что за несколько лет до выпуска специализированного номера *Poetics Today* один из его редакторов, Алан Ричардсон (Alan Richardson), в статье «Когнитивная наука и будущее исследований литературы» писал, что когнитивная парадигма в теории литературы возникает как раз в ответ на кризис преимущественно французского постструктурализма²⁶.

Статья Реувена Цура «Некоторые когнитивные основания культурных программ» обсуждает преимущества когнитивного подхода к развитию тех или иных литературных форм в противоположность теории заимствования, или подходу «культура порождает культуру». Автор статьи предполагает и настаивает, что распространенность одних и тех же литературных форм в разных культурах объясняется не столько заимствованиями из более авторитетной культуры, сколько соответствием наиболее адаптивно выигрышным особенностям восприятия. Так, например, Реуен Цур, основываясь на количественных данных, считает, что форма ямбического пентаметра с цезурой после четвертого слога (4+6) доминирует во французском, венгерском, английском языках и иврите, так как является «универсальной когнитивной необходимостью»²⁷.

²⁶ Richardson, Alan, Cognitive Science and the Future of Literary Studies, *Philosophy and Literature* 23.1 (1999), 157.

²⁷ Tsur, 79.

Туманность аргументов автора не позволяет более подробно рассмотреть его подход, ценность которого состоит пока в том, что Реуен Цур пытается оперировать не обобщенным понятием «литература», а ее более специфическими составляющими, такими, как «ритм», «просодия», «стихосложение» и пр. Однако в попытке выстроить каркас новой дисциплины – когнитивной поэтики – автор оказывается важной фигурой, так как в течение многих лет печатает работы, используя названия и «когнитивное стихосложение», и «когнитивная поэтика», в том числе в заглавии монографии (*Toward a Theory of Cognitive Poetics*, 1992). Кроме того, Реуен Цур является одним из тех, кто своевременно осознал возможности Интернета²⁸, с точки зрения укрепления позиций на академическом рынке, поэтому присутствие в сети автора, постоянно использующего когнитивистскую терминологию применительно к поэтике, возможно, станет одним из ключевых моментов в безболезненном вхождении на этот рынок новой дисциплины.

Само понятие литературы в когнитивной теории литературы предстает достаточно расплывчатым. Так, Пол Хернади без дополнительных объяснений подменяет литературу разными (четырьмя) формами использования фигуративного языка. Поэтому его целью, без тени сомнения, становится: «рассмотреть литературу, начиная с ее (здесь и далее подчеркнуто мною – Н.А.) устной формы и заканчивая ее постлитературным настоящим (например, фильмы, осно-

²⁸ См. сайт когнитивной науки и теории литературы: Literature, Cogniton and the Brain: www2.bc.edu/~richarad/lcb/home.

ванные на *сочинениях* Шекспира или Джейн Остин), как часть непрекращающейся коэволюции человеческой природы и культуры»²⁹.

Элен Спольски специально не выделяет литературу из других систем репрезентации, и ее конструктивистская, по сути, теория могла бы называться не когнитивно-эволюционной теорией литературы, а, например, когнитивно-эволюционной теорией репрезентации, не утрачивая своей аргументированности и последовательности.

Подводя итоги, можно предположить, что название «когнитивная поэтика», должное дисциплинарно пометить и свести под одну обложку или в один курс то, что более громоздко можно было бы назвать «когнитивные подходы к исследованию литературы», видимо, приживется. С другой стороны, надо иметь в виду, что сама по себе «когнитивная поэтика» дисциплиной не является – это своеобразный зонт, который натянута над набором дисциплин, теорий или их элементов, подобно корпорациям. Причем зонт

²⁹ Hernadi, 22.

англосаксонско-израильского производства может покрывать чрезвычайно разнообразные локальные конфигурации подходов и приоритетов. Выбор в United Colors of Benetton тоже отличается в разных странах.

Выбор же зонта – «Когнитивное/ая/ый *то-то*» – свидетельствует о том, что когнитивная парадигма занимает сейчас на академическом рынке то же место, которое раньше занимала (в некоторых местах и сейчас удерживает) философия – «Философия *того-то*» (в том числе, например, в виде университетского курса «Философия поэтики»). Стремительно бронируют места и смежные гуманитарные дисциплины, например, возникает когнитивная теория театра³⁰. В случае успеха когнитивистского проекта в целом можно ожидать дисциплинарных новообразований, в заглавии которых вполне вероятно «Наше когнитивное все».

³⁰ Войцех Балух (Vojciech Baluch), *Процесс формирования значения в театре: когнитивный подход* (Докторская диссертация). Ягеллонский университет, Краков, Польша, 2000. McConachie, Bruce, *Doing Things with Image Schemas: The Cognitive Turn in Theatre Studies and the Problem of Experience for Historians*, *Theatre Journal* 53 (2001), 569–594.

KOGNITYVINĖS POETIKOS PROJEKTAS: DISCIPLINOS RIBOS

Natalija Arlauskaitė

Santrauka

Besiformuojanti kognityvinės poetikos disciplina priėjo tokią raidos stadiją, kai tenka apsibrėžti vietą akademiniam pasauliui. Šis disciplininis žemėlapis braižomas įvairiai ir svarbiausia yra išskirti „pasienio zonas“ – į jų vietą patenka turinčios skirtingą teorinį

svorį evoliucijos teorija, kognityvinė lingvistika, poststruktūralizmas ir t.t. Žemėlapis konstravimas yra tiesiogiai susijęs su daugiau ar mažiau veiksmingų disciplininio dominavimo strategijų kūrimu, įsiterpiančiu į kognityvinės humanitarinių mokslų paradigmos rėmus.

Получено: 2004, май
Принято: 2004, май

Адрес автора:
Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии
ул. Университето 5
01513 Вильнюс
E-mail: Natalija.Arlauskaite@flf.vu.lt